

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 22

15 марта 1944 года

№ 22

содержание:

Беседы старого казака с молодыми. П.

★

Исторические очерки Дона. — (Продолжение). — П. Н. Краснов

★

Атаман войска верных казаков
Рождение станицы (очерк). — В. Коровенко

★

Таис (повесть). — (Продолжение). — Т. Левшина

★

В Пинских песах (окончение).
В. Никонов

★

Он еще пригодится

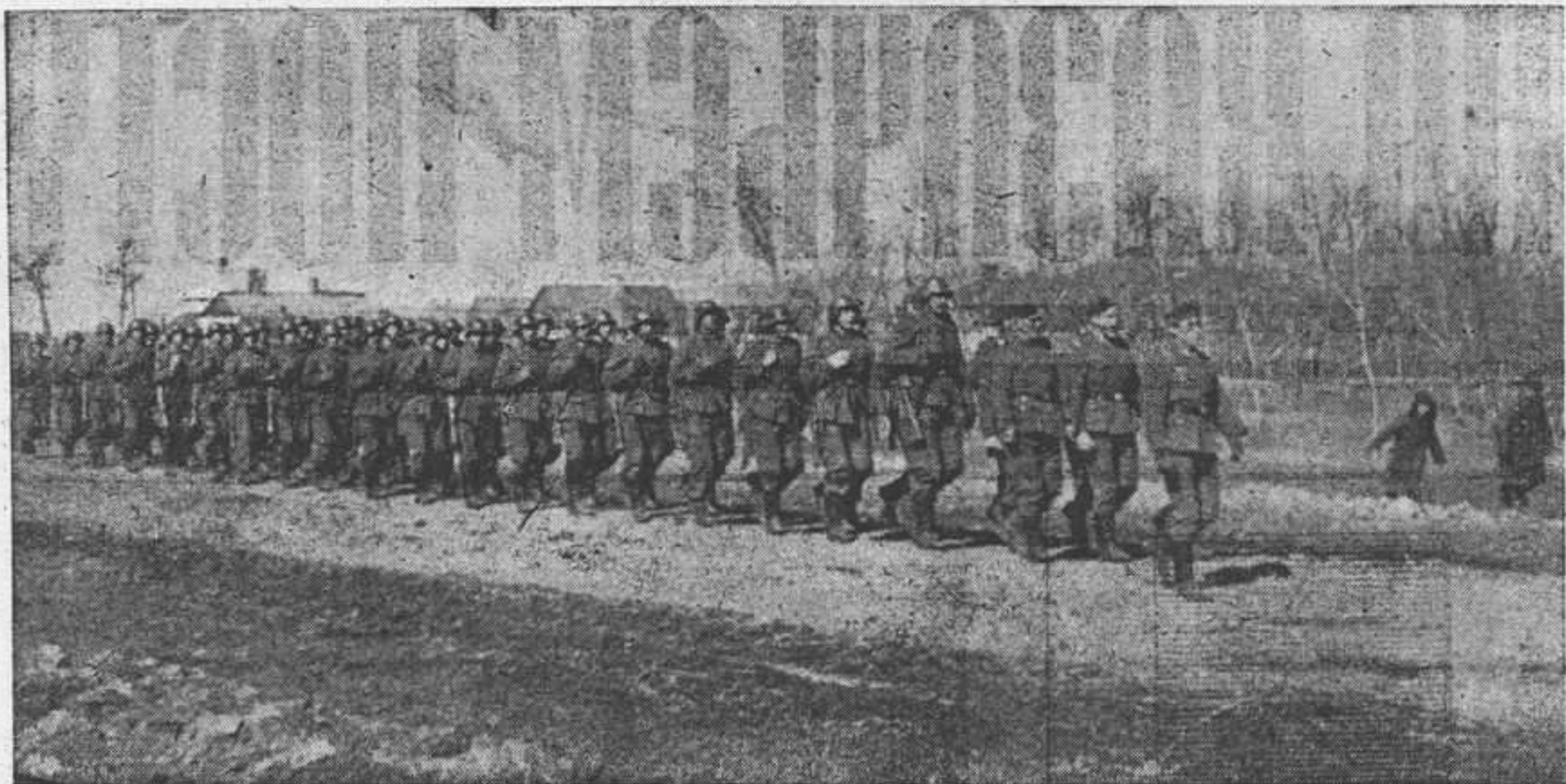
★

Как разыскать своих родных?

Кубанский офицер новых казачьих частей

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Беседы старого казака с молодыми

Беседа вторая о воспитании

Рота, как и всякая другая воинская часть, тем более часть казачья, должна быть воспитана.

О воспитании военном я скажу дальше. Сначала поговорим вообще о воспитании.

Вы, казаки, теперь входите не только в Германскую армию полноправными ее членами, но и в семью народов той новой Европы, которая создается гением Адольфа Гитлера, национал-социалистической Германией и ее доблестной армией. Это нас ко многому обязывает.

Прежде всего это обязывает каждого казака быть воспитанным. По нашей форме, по лампасам на шараварах, по меховой папахе, или по шапке кубанке, по нарукавным знакам, каждый признает в нас казака. А кто повнимательнее, кто бывал в России и в штатском рабочем платье узнает казака.

По обличию, по его сиоровистой ухватке узнает.

Вот и приходится нам, казак, над этим призадуматься и подтянуться!.. Ох... как нам нужно во всей нашей жизни подтянуться!..

Кто вас воспитывал?.. Двадцать четыре года, с самого рождения вашего, или с юных лет вы были во власти жида. Жид ломал вашу душу и по своему воспитывал, стараясь вытравить из вас все святое и чистое, все высокое, духовное и заменить плотским, материалистическим.

Как хитро он это делал! Как незаметно унижал он советский молодняк, плевал на него, а у себя дико хохотал над обманутыми им людьми. Это он, и нарочно, — ввел в обиход уменьшительные и обращение на «ты» — «тыканье» между мало знакомыми людьми.

Как это мило!.. Как просто!.. Как сближает!.. По товарищески хорошо! — Миша... Ваня... Коля... Андрюша... Катя... Нина... Соня... Маня...

Мы забыли, что «Вань» может быть много, а Иван Никитич у нас — один и притом кавалер ордена Железного Креста.

На протяжении веков у нас в обычае всегда величать по отцу: — Ермак Тимофеевич... Михайло Иванович Татаринов... Наум Васильевич Васильев... Осип Петрович Петров — герои Азова... Фрол Минаевич Минаев — победитель турецкого флота под Азовом... Матвей Иванович Платов... Яков Петрович Бакланов... Так уважительно называли наши отцы своих героев...

Жид хитрый — он это все учел... Какое у жида может быть уважение к Русскому, тем более к казачу — он для жида «гой», то есть существо низшее чем животное... Пусть будут они все: — Миша, Наум, Осип, Фролка... А попробуйте всемогущего советского вашего воспитателя — Моисея Абрамовича назвать Мойшей? Под какую статью угодите? Может быть, только на каторгу лет на десять, а то и «к стенке».

Гнусный выродок Ленин, развратитель и погубитель России, сказавший, что с казаками борьба должна быть самая жестокая, до полного их истребления был для вас Владимир, Ильич, а то еще и почтительно нежно: — «Ильич».

А вот христиане, «гой» — те — «Дора из хора». Маня то и просто Манька... Это не для того, чтобы сблизить, но для того, чтобы унижить!...

Уменьшительным, ласковым, милым именем мы назовем: — сестру, невесту, полюбившую вас девушку, жену... А в старину и уже не ласково, но пренебрежительно называли прислугу, на кого смотрели, как на низших себя людей.

Мы, казаки, все равны. Нет у нас ни низших ни высших и мы назовем уменьшительным именем лишь того, кто заслужил, кто стал другом, «одно-

сусом», кого связала с нами общая жизнь, полная лишений и опасностей войны...

Как облегчает и как украшает воспитание жизнь среди людей.

Жиду-большевику это то и было противно, что живут люди хорошо. Вот и ввел он в обиход свой жидовский жаргон, блатные советские словечки, стал вытраивать вежливость.

Входит такой «парень в доску» в дом, в гости, и говорит, не здороваясь:

— Вот и я!...

— А как было прежде, у казаков? — спросите вы. — Как это у других воспитанных народов?

Как было это у нас, казаков, красиво! Вот — едет по степи арба, груженная хлебом. На верху, на соломенных снопах, устроилась вся семья казачья. Навстречу верхом казак.

— Здорово дневали!

— Спасибо!

Что означает сокращенно — «спаси Бог».

А то еще скажут: «спаси Христос!»...

Прислушайтесь — ведь тоже говорят и немцы: — «Гутен Таг», или утром — «Гутен Морген»... И ответ: «Данке Шен!»...

А как красиво звучит в Баварии их любезное и приветливое: — «Грюсс Готт!» — в нем слышится наше казачье «спаси Христос!»...

Так говорят и французы: «Бонжур, мосье»... «Мерси, мосье»...

Когда прощается «советский паренек», он говорит: — Пока!

Что это значит? Сам жид не знает, что скрывается в этом велеречивом коротко грубом: — «пока!».

Мы говорили, прощаясь: — «счастливого оставаться», а хозяин отвечал: — «счастливого пути» или коротко: — «счастливого». Еще говорили, как то говорят немцы и французы: — «до свиданья», что тоже что и «ауф видераэен» или французское «о ревуар».

Когда хозяева такому «пареньку» предложат откусать, он развязно отвечает:

— Не откажусь!

Грубость, наглость, нахальство, самоуверенность — усиленно насаждались большевиками. Жидовские учителя внушали, что это самостоятельность, независимость, самоуважение... На деле... вы сами понимаете, что это просто...

Не поблагодарить за услугу; не поблагодарить за обед или иное угощение; не уступить в вагоне железной дороги или трамвае место женщине, старику или раненому; первому лезть, всех расталкивая, всех презирая в двери, всех почитая ниже себя — вот советское воспитание. Жид воспитывая так молодежь называл ее не молодежью, но молодняком, как говорят о скотине. «У нас по нынешний год молодняк очень удался. И телята и ярки и поросята»... Для жида христианская молодежь — тоже, как поросята — молодняк... Хуже — гои!

Но, особенным, гнусным, жестоким, пакостным издевательством жида подверглось самое чистое, самое святое для каждого имя — мать.

Вдумайтесь, вспомните свое детство и прочувствуйте всю свою жизнь. Сколько милой, ласковой святости заложено в слове: — «мама».

Это первое слово, кокое еще неуверенно произносит ребенок и это последний призыв, который крикнет в пространство одинокий умирающий: — мама!...

Сколько ласковых дорогих изменений, милых перемен этого слова в нашем казачьем языке, в нашем семейном обиходе:

— Матушка... мамаша... маменька...

На «вы» или на «ты» — прижавшись, скажет девочка дочь с неизбырной любовью и лаской: — «мамуля милая!»...

И вместо этого «мать» с присовокуплением самого гнусного, подлого оскорбления и матери вашей и вас самих и всего дорогого и святого в казаче.

Вы мне скажете: — «Это и раньше было... Это всегда было»...

К сожалению, да... Это всегда было и только в Русском народе. Оно было у мужиков-русских, у русской мастеровщины, пьяного пролетариата и очень мало было у нас казаков. Оно пришло в Россию вместе с татарским игом, когда татарин издевался над русским рабом. Оно привилось, как самая дурная болезнь. Большевики зекрепили эту подлейшую гнусность за молодежь, внедрили ее так, что и девушки не стыдятся ее. Последите за собой. За стол садитесь — лба никто не перекрестите, а уже когонибудь «едренным матом» обложите... Так просто, за милую душу. Любого друга, товарища, не думая, не понимая, не сознавая, как это должно оскорбить, когда «обложат по матушке».

Нигде в мире этого нет. И это нужно, нужно и нужно вывести. Излечиться от этой пакостной подлости издевательства над святым именем матери навсегда. Пусть так ругаются и говорят кто угодно, но не казаки.

Нам нужно сделать это самим. Самим следить за собой, самим вдумываться и следить за своими поступками и словами. Просить друзей останавливать и наблюдать, как это делается у других. У вас перед глазами прекрасная воспитанная германская армия. Мы должны совсем и навсегда скинуть с себя кожуру советского жидовского воспитания.

Вы говорите мне, что я несправедлив к большевикам. Что и в советской стране есть что-то хорошее. Я отвечу вам, если в советском союзе и сохранилось что-нибудь хорошее, так это не благодаря советской власти, но вопреки ей. И благодарение Богу больше всего это «вопреки советской власти» сохранилось у нас, казаков, благодаря нашим казачкам — матерям и сестрам...

Вспомним: — всего двадцать пять лет тому назад, какие-нибудь четверть века однанадцать казачьих войск почитались лучшими жемчужинами в короне русского царя.

России и ее царя нет. Господь привел нас обрести новое отечество — национал-социалистическую Германию Адольфа Хитлера и с нею и под ее покровительством мы, однанадцать казачьих войск, станем лучшими жемчужинами в драгоценном уборе новой Европы.

Для этого нужно нам заняться в своих воинских частях самовоспитанием.

Скинем с себя «советского паренька» и станем — казаками.

Ведь лучше этого ничего и не придумаешь!

О вашем воинском воспитании и муштре побеседуем следующий раз.

Старый казак

(Продолжение следует)

Исторические очерки Дона

Часть вторая

(Продолжение *)

Первые церкви были построены в станицах Кочетовской, Черновской и Ведерниковской в 1720-м году. С 1720 по 1743 год были построены церкви по станицам: — Старо-Григорьевской, Малодельской и Бурацкой (1722); Усть-Хоперской, Тишанской, Алексеевской и Терновской (1724) Раздорской, Семикаракорской, Усть-Быстринской, Нижне-Курмоярской, Нагавской и Бесергеновской (1720 и 1727 г.); Дурновской, Филоновской, Лукьяновской, Есауловской и Луковской (1728 и 1729 гг.); Митякинской, Еланской, Кумылжинской, Безпедяновской, Орловской и Котовской (1730 и 1731 гг.); Яминской, Верхне-Чирской, Верхне-Курмоярской, Зимовейской, Луганской, Етеревской и Казанской, Кепинской (1732—1733 гг.); Нижне-Каргальской, Верхне-Каргальской, Кепинской и Голубинской (1735 г.), Березовской, Федосефской и Калитвенской (1736 г.); Кумшацкой, Распоинской, Быстринской, Богаевской, Мелеховской, Верхне-Кундрючской, Усть-Бело-Калитвенской, Каменской, Гундоровской, Золотовской, Траилинской, Камышевской, Верхне-Михалевской, Пятизбянской, Романовской, Вешенской, Филипповской, Ново-Григорьевской, Букановской, Правоторовской, Арженевской и Островской (1740 г.); Нижне-Михалевской, Тишанской, Ерыженской, Мартыновской, Перекопской, Усть-Быстринской и Арчадинской (1742 г.).

К 1764 году на Дону было 4 каменных церкви — все в Черкасках и 103 деревянных.

Духовенство в эти церкви назначалось Воронежскими епископами, которые с 1795 года носят наименование епископов Воронежских и Черкасских.

В 1748 году в Черкасках было открыто первое учебное заведение на Дону — «войсковая латинская семинария» для подготовки казачьих детей к духовному званию.

С 1751 года все донские церкви были подчинены трем духовным правлениям: Черкасскому, Усть-Медведицкому и Хоперскому.

При атамане Степане Даниловиче Ефреме было приказано в 1765 году учредить в станицах «публичные училища».

При Потемкине было приказано сравнивать в чинах казачьих офицеров с Русскими армейскими. Сотники и есаулы стали считаться обер-офицерами, войсковые старшины сравнены с гусарскими корнетами, есаулы с ротмистрами, дальше были устроены чины: майора, подполковника и полковника. Казачьих полковников стали ставить наряду с полковниками Российской армии. Они стали получать права потомственного дворянства Российской империи, и дети их стали дворянами. Им нарезали участки земли и разрешали приводить крестьян для обработки земель. В царствование императора Павла появилось донское дворянство. В бесклассовом прежнем обществе появились помещики.

Тогда же стали жаловать казачьих чиновников гражданскими чинами регистраторов и советников.

Указом 29 сентября 1802 года было повелено войсковой канцелярии состоять под председательством войскового атамана, и в ней присутствовать двум не переменным членам и четырем ассессорам. Члены и ассессоры служили по выбору дворянства по три года. Канцелярия была разделена на три экспедиции: воинскую, гражданскую и экономическую. Для судебных дел учреждены сыскные начальства; в Черкасках учреждена полиция, при войсковой канцелярии назначены землемер и архитектор.

Войсковой круг окончательно утратил былое значение. Он больше не собирался для решения войсковых дел, но лишь осталась церковная церемония, называвшаяся войсковым кругом. В определенные дни: 1-го октября, в дни рождения и именин Государя, на Новый год устраивался церковный парад. В торжественном шествии, имея впереди атамана с булавой, несли войсковые регалии, знамена, бунчуки и грамоты в лацках в собор и там служили обедню и молебствие. После чего устраивался парад местным войскам, и регалии и знамена относили обратно в места их хранения.

В 1790 году в Черкасках в предместьях города, близ Преображенской церкви торжественно, с пушечной пальбой и ночью иллюминацией, было открыто «главное народное училище». Директором училища был назначен сын атамана, полковник Петр Алексеевич Иловайский. Из Петербурга были присланы учителя — Дмитрий Яновский с тремя товарищами.

*) № 17, 18, 19, 20, 21.

До 1798 года в училище принимались мальчики и девочки, потом одни мальчики. В училище сначала было четыре класса, потом добавили еще пятый — рисовальный. Ученики 2-го, 3-го и 4-го классов обучались кроме общих предметов и русского языка еще французскому и немецкому языкам. Учебников было мало и мальчики-донцы должны были переписывать в тетради учебники грамматики и арифметики. На выпускных экзаменах почти всегда присутствовал войсковой атаман.

11-го мая 1805 года в Черкасках в присутствии атамана Платова была открыта первая на Дону донская гимназия. Сначала она была при главном народном училище, потом ее перенесли на Ратное урочище, а с постройкой города Нового Черкаска она была переведена туда в нарочно построенное для нее большое каменное здание.

Первым ее директором был Алексей Григорьевич Попов. Он обучался при войсковой канцелярии письмоводству, через два года был отправлен в Московский университет, где провел семь лет. По окончании университета он служил в войсковой канцелярии писарем и землемером. Обмеривая станичные участки Попов объездил все войско и хорошо ознакомился с казачьей жизнью в станицах. Во время походов на Кубань он состоял при штабе походного атамана; он устраивал переправы через реки, строил мосты, выбирал места для биваков, командовал артиллерией и был произведен в есаулы. С 1801 года он был начальником учебных заведений войска Донского, а с 1805 года — директором гимназии.

С тех пор, как не добыча и царское жалованье кормили казаков, а земля и река, стали казаки больше обращать внимания на работы на земле, на промысла и торговлю.

Основным промыслом казачьим были рыбная ловля, скотоводство и для себя — охота... Рыбы в никем и ничем не тревожимом Дону, особенно, тарани было великое множество. Во время весеннего разлива тарань шла большими стаями по поверхности реки. Трудно было зачерпнуть ведром воды, чтобы в ведро не попали рыбы. Жители Черкаска ловили рыбу из окон своих куреней. Казаки строили плотины через мелкие протоки в гирлах Дона, чтобы не вся рыба ушла в море. Цены на тарань стояли низкие. Продавали за 10 копеек 1.000 штук, не считая, на глазомер. Рыбу у казаков скупали малороссы-чумаки и везли ее возами в Малороссию и Польшу.

В степях процветало скотоводство. В низовых станицах у богатых казаков скот считался тысячами голов. Разводили казаки голландский, венгерский и калмыцкий скот. Голландский скот был у Мартынова, калмыцкий у Богачева и венгерский у Кирпичева.

Большие казачьи табуны бродили и паслись в Задоньи. Казаки особенно ценили лошадей от персидских (арабских), черкесских (кабардинских и карабахских), турецких (варварийских и арабских) жеребцов и донских, калмыцких и русских (малороссийских, тамбовских и воронежских) маток. Были лошади, вывезенные из Польши и Австрии — венгерские и английские. Цены на верховых лошадей были от 40—80 рублей за лошадь. Донская лошадь того времени была во всей Русской кавалерии и у охотников любителей в большом почете. Она считалась очень резвою и выносливою — военной лошадью. Лучшие верховые лошади были в табунах Ефремова, Краснощекова (авшарской, кабардинской породы), Грекова, Иловайского, Харитонова, Мартынова, Краснова (золотисто-гнедые персидской породы), Платова и Орлова-Денисова. Самый лучший конный завод был у Платова. Он был выведен от отбитого в 1806 году у кубанских татар табуна и улучшен горскими и персидскими жеребцами. В нем много было прекрасных серых и золотисто-гнедых лошадей. Его тавром была перевитая двойным кольцом змея на левом заднем стегне.

Земледелие еще только начинало развиваться, но, так как земля рождала богато, на сторону хлеба не продавали, то хлеба у казаков было в изобилии.

Начинала процветать и торговля. Занимались ею казаки, получившие наименование торговых казаков. Так как торговым казакам трудно было бросать свои предприятия и уходить на четыре года на службу и в походы, они занимали за себя бедных казаков, которые и несли за них строевую службу. 12-го сентября 1804 года, по ходатайству атамана Платова, последовал указ, которым на Дону было определено иметь 300 торговых казаков, совершенно освобожденных от военной

службы. Вместо таковой они были обязаны вносить по сто рублей за каждый год, что их сверстники находились в полках. Наиболее богатыми торговыми казаками в ту пору были Шапошниковы и Корнеевы. Торговали на Дону привозными товарами: строительным лесом, железом, канатами, дегтем, кожами, мехами, сукнами, пологнами, шелковыми и шерстяными материями, чаем, сахаром, кофе. Товары эти скупались в Москве, в Нижнем Новгороде, на Макарьевской ярмарке, в Харькове и на Урюпинской ярмарке, на Дону. Казаки продавали рогатый скот (Черкасский) лошадей, овец, вино, рыбу и соль.

Ежегодно на Дону бывали большие ярмарки в станицах: Михайловской (Крещенская), Митякинской, Цымлянкой, Пятиизбянской, Урюпинской, Луганской, Раздорской и в селе Криворожье. На этих ярмарках, куда съезжались тысячи торговцев и покупателей продавали не только лошадей, рогатый скот, но и невольников, приводимых казаками из Азии.

В царствование императрицы Екатерины II было разрешено армянам селиться для торговли подле крепости св. Дмитрия. Армяне устроили свой город Нахичевань, откуда вели торговлю с казаками, Крымом, Турцией и Персией.

Когда на Дон пришло просвещение, когда повидали казаки западную Европу стал казаться Петровский Донский герб с обнаженным казакон на бочке унизительным, азорным и обидным, несоответствующим новому положению Донского войска в Российской империи. При атамане Платове он был заменен в 1805 году новым. Щит этого герба разделен поперек на две части. Верхнюю треть занимает вылетающий и видный на половину черный двуславый орел Русского Государственного герба — как знак покровительства России Дону; нижние две трети образуют четыре равнобедренных треугольника. В верхнем — атаманский пернач; в нижнем: пернач, насека и собольий хвост (бунчук); в левом — четыре скрещенные знамени в лавровом венке и в правом — крепостная башня (Азов).

XVI.

Император Павел I. Поход Донских казаков к стороне Оренбурга. Письмо Императора атаману Орлову. Поголовное ополчение войска. Весенняя распутица. Переправа через Волгу. Смерть Императора Павла. Император Александр I возвращает казанов домой.

6-го ноября 1796-го года, по смерти Императрицы Екатерины II, на российский престол вступил Император Павел I.

Сын Императора Петра III, неумеренного отдававшегося пьянству, неразвитого, почти безумного; не испытавший в детские годы материнской ласки: Императрице Екатерине, занятой делами управления обширнейшим государством было не до сына; проведенный юность и молодые годы в суровом одиночестве, в глухом Гатчинском замке, Император Павел по вступлении на престол поражал современников неожиданными выходками и переменами в решениях. Он был полон благих намерений, но осуществить их, даже продумать их до конца не мог.

...«Не проходило дня, в который фельд-егеря не привозили бы кого нибудь в ссылку в Сибирь, в заточение в крепость, в каторжную, в крепостную работу», — пишет современник Павла А. М. Тургенев.

Престарелый Суворов, победитель турок и поляков, гордость и слава Русской армии был уволен в отставку и обречен на бездействие в своем селе Кончанском. Потом был внезапно вызван «спасать царей», направлен воевать с австрийскими войсками в Италию против революционных французских войск; в разгар побед отозван в Швейцарию. Вчерашний враг, француз Бонапарт стал другом и у Императора Павла сложились новые планы обогатить Россию завоеваниями.

Император Павел в необузданной своей выдумке вспомнил про Донское войско.

Генерал майор Матвей Иванович Платов, сотрудник Суворова, герой Измаила и походов на Кубань, усмиритель Пугачевского бунта, по нелепому доносу и обвинению в сношениях с турками был арестован; сослан на жительство в Кострому, а потом заточен в Петро-Павловскую крепость в Санкт-Петербурге.

Зимой 1800 года, ночью, Платов был из крепости потребован к Императору в его новый дворец. Павел милостиво принял донского генерала, подарил ему табакерку со своим портретом и сказал:

— Сейчас же скажи в Войско к атаману Орлову, помоги ему поднять все Войско и ступай с ним в поход.

— Куда, ваше величество? — спросил Платов.

— О том тебе сейчас знать не зачем. Перед выступлением получите от меня карты и маршрут.

В перекладных санях, на почтовых, «курьерских» лошадях помчался Платов в студеную зиму на Дон, в Черкасск.

Атаман Василий Петрович Орлов только что получил обещанный маршрут, карты и письмо Императора.

Государь писал Орлову: — «Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговые, приобретенные или деньгами, или оружием. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан. Торговлю ее обратить к нам. Все богатство Индии будет вам в награду».

Донским казакам повелевалось по пути занять Бухару, в Хиве освободить Русских пленников.

Индия была давнишней мечтой Русских. Ее загадочная прелесть и богатство манили. С былинной и арабской сказкой пришли об Индии невероятные слухи. Никто не знал о ней верно. При Императоре Петре I на Индию посылались боевая разведка Бекевича Черкасского. За ранней смертью великого Государя вопрос об Индии был оставлен.

Теперь Войску Донскому предлагалось завоевать Индию своими конными полками.

Орлов разложил присланную карту. Платов мерял по ней циркулем. Тяжело вздохнул.

Зима, — сказал он тихо, — опять-же, все степь! Пески... Все под снегом... Как мы прокормим коней? Как будем продовольствовать людей? Весною, когда поднимутся травы, еще можно куда-то добраться. А там дальше, гляди, все пески... Горы...

Он покачал головою.

— Есть приказ Императора — «выступить не медля ни часу. Ты Императора Павла, чаю знаешь побольше моего. Приказано поднять все войско и идти, — сказал Орлов.

— Что-же?... Бог в помощь!... В час добрый!...

12-го января 1801-го года все войско было поднято в поход. Цель и направление похода были тайной.

В шестидневный срок было приказано всем офицерам, урядникам и казакам быть готовыми к выступлению с двух коней. Иметь с собою в суммах полтора месячный провиант, иметь ружья и дротники, кроме шашек. В войске числилось 800 больных — им приказано явиться на осмотр. Забирали всех «под гребло». Брели недужных, опухших от ран, искалеченных. Круглые сироты и беспомощные бедняки готовились в поход. У многих казаков не было форменных курток и чекменей — их одевали в серые халаты и сермяжное одеяние. Никому не было послабления. Хотя у кого и дом сгорел и все погорело — шли за счет станицы. Богатые казаки снаряжали белых. В Черкасской станице шесть казаков собрали 3.000 рублей и дали на обмундирование пеших казаков. Двадцать душ семейства в одном курене остались без хозяйна и пропитанья.

Брели без очереди. Шел последний хозяин, хотя уже два его брата служили в полках. Только что пришедшие с Кавказской линии и из Итальянского похода не были отпущены по станицам, но шли в новый поход. Церкви остались без пономарей, станичные правления без пиеарей. Забрали всех. Было поголовное ополчение.

Потребовали на службу и калмыков. Офицерам-помещикам не было разрешено съездить на хутора. Жены не простились с мужьями, отцы с детьми, дети с отцами. Все бросилось на произвол судьбы — «Император Павел приказал!»

Вне пределов Войска продовольствие и фураж был должен поставлять нанятый для этого Войском комиссионер Теренин.

Сборными местами были назначены станицы — Бузулуцкая, Медведицкая, Усть Медведицкая и Качалинская.

В зиму стужу, в февральские морозы и степные, неистовые бураны выступили казаки из теплых куреней в неизвестный поход. Всего с Войска собрали: — 510 офицеров, 20.497 конных казаков, 500 артиллеристов и 500 калмыков. Они составили 41 конный полк, 2 роты донской казачьей артиллерии и инженерный отряд. Вел все войско атаман Орлов, разделивший его на четыре отряда. Первым из 13 полков командовал генерал майор Платов; вторым из 8 полков генерал майор Бузин; третьим из 10 полков генерал майор Боков и четвертым из 10 полков только что вернувшийся из Италии и Швейцарии генерал майор Андриан Карпович Денисов. При отряде Платова была донская артиллерия и инженеры. С ним шел атаман Орлов.

27 и 28 февраля полки со сборных мест выступили четырьмя колоннами в поход. Ни офицеры, ни казаки не знали цели и конечного назначения похода. Было сказано только, что идут к «стороне Оренбурга».

С первых дней похода стали трудности, замедлявшие движение отрядов. Степные дороги были занесены снегом. Пушки и повозки, застревали в глубоких сугробах. Казакам при-

ходилось спешиваться и на руках вытягивать орудия, зарядные ящики и «полковые тяжести», как назывались тогда обозы. Нигде не было достаточно домов, где могли бы казаки перепочевать и обогреться. Не было топлива для костров. Не хватало провианта, не было ни сена, ни зерна. По ночам казаки и их лошади стыгли и озлоблялись на ледяном ветру в голой степи. Днем некормленные лошади еле брели навстречу страшным бурянам.

В начале марта солнце пригрело и настала дружная оттепель. Ручьи заиграли. Степь размокла. Грязь и топь стали непроходимыми. Каждая балка, каждый ручей стали препятствием. Через ничтожную в летнее время речку Таловку войсковой старшина Папузин с полком еле переправился. Сорок верств шел он по колено в грязи, ища места для переправы, а через самую Таловку переходил по мосту, устроенному, казаками из хвороста, огорожей, ворот и крыш, принесенных с ближайшего хутора.

Отряд Денисова первый подошел к реке. Денисов, зная, что на больших реках лед всегда в середине толще и крепче, чем у берега приказал начать переправу. Сбгнали мужиков с прибрежных деревень и поставили их с веренками поперек реки. Казаки повели лошадей в поводу. Лошади стали проваливаться. Казаки остановились. Денисов приказал вести своих крупных, заграничных тяжелых лошадей. Они проваливались, но справились, выпрыгнули на лед и пошли. За ними потянулись казаки. До самисот лошадей провалилось, но казаки вытащили их всех. Переправа длилась пять часов.

За Волгой пошли вдоль ее течения, потом по реке Иргизу. Степь становилась пустынее и безлюднее. На Волге минувшим летом был неурожай хлеба, и травы погорели. Комиссионер Теренин не выполнил своего обязательства поставки кормов и провианта. На местах, назначенных для ночлегов, полки не находили зерна, а сено было пополам с мусором. Лошади падали от безкормицы. Путь, пройденный казаками обозначался длинной вереницей вздувшихся конских трупов, да черными стаями ворон. Среди казаков появилась цыганя.

Как ни тяжело было казакам, они шли молча, без ропота. Они знали тяжелую долю казачью, знали, что такое долг строевого казака. Веками обтерпелись в сознании, что «доля казачья — жизнь собачья»...

На заре поднимутся казаки с ледяного ночлега под открытым небом, глянут на восток. Та же безкрайняя, ровная, голая степь... В золотистом тумане зябкое поднимает-

ся солнце. Трубач играет седловку. Кричат урядники: — «седлать!... седлать!!...» Со стойками поднимаются с грязной земли исхудалые кони. Иной уже и не встанет. Будет брошен доморощенный конь в степи. Пойдет хозяин либо пешком при обозе, либо на вывчном коне...

От Дона отошли по пустынным степям около семисот верств и 23-го марта, накануне Светло-Христово Воскресения, казачий отряд атамана Орлова остановился на ночлег в селе Мечетном Вольского уезда Саратовской губернии.

Здесь догнал отряд курьер, посланный в догонку казакам из Петербурга.

В ночь с 11-го на 12-е марта скончался император Павел. На Российский престол вступил его сын Александр I. Курьер привез манифест о вступлении Императора Александра на престол и с ним именной приказ государев: «войску Донскому вернуться домой»...

Еще раз менялось отношение России к иным державам. Поскакали ординарцы и вестовые казаки по полкам с приказом всем построиться.

Атаман Орлов объезжал полк и говорил:

— Жалует вас, ребята, Бог и Государь родительскими домами...

Громовое радостное ура неслось в ответ.

В первый день Пасхи атаман и полки, стоявшие близ Мечетного слушали обедню в Старообрядческом монастыре. После все в казачьем стане сгреляли на радостях из пушек и ружей и первый раз за время похода раздались казачьи удалые песни.

25-го марта, в день Благовещения, полки пошли домой.

Весна наступила. Степь просыхала. Только еще в низинах, по балкам была непролазная грязь.

Между 9 и 17-м апреля полки подошли к границам войска Донского. Хоперские, медведицкие, бузулуцкие, верхнедонские и донецкие казаки были отпущены по домам прямо с границы, остальные с офицерами пошли левым берегом Дона к Черкасску. Атаман Орлов прибыл в Черкасск 2-го мая.

Поход «на Индию» был кончен. Он не состоялся. Потерь в людях не было. Конский состав в общем выдержал путь хорошо. Казаки и их лошади показали большую выносливость. Люди проявили высокое мужество, решимость и святую покорность казачьему долгу.

П. Краснов

(Продолжение следует)

Атаманы войска верных казаков

С. И. БЕЛЫЙ

Сидор Игнатьевич Белый происходил из дворян бывшей Новороссийской губернии. Поступив в молодые летах на службу в войско Запорожских казаков, он в скором времени достиг звания войскового есаула и по поручению кошевого атамана Калнишевского исполнял важные поручения для уничтожения шаек гулящих казаков, занимавшихся разбоями не только в пределах Запорожья, но и за границей его в соседних польских областях.

Этот страшина, получив хорошее образование, отличался природным умом и храбростью и, участвуя в тогдашней войне с турками, имел за военные отличия жалованную золотую медаль и, как говорили его сыновья, и Георгиевский крест.

После разорения Запорожской сечи Белый, бывший дворянином и помещиком своих родовых имений, служил по выбору предводителем дворянства Херсонского уезда.

В 1787 году началась с турками война и Сидор Игнатьевич Белый, состоял подполковником, стал во главе запорожских казаков под русские знамена на защиту отечества; тогда же он сформировал из запорожцев волонтерскую команду, а потом под руководством князя Потемкина-Таврического, образовал войсковой кош на берегу Бугского лимана по примеру бывшего на Днепре запорожского коша и на Раде войскового товарищества был избран первым кошевым атаманом войска верных казаков.

Таким образом, Белый является первым атаманом войска верных казаков, переименованного впоследствии в Черноморское, а затем в Кубанское казачье войско.

Кошевой атаман Белый пользовался особенным уважением главнокомандующего генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, заботился об увеличении своего войска приходившими из-за границы турецкими запорожцами, принимал всевозможные меры для организации войскового управления во вновь образованном коше и не раз водил своих молодых казаков на победы с врагами.

За поражение турок 7-го июля 1787 г. на море, где казаки действовали на своих передовых лодках, предводительший ими кошевой атаман Белый, кроме благодарности главнокомандующего, награжден чином полковника, но в следующем сражении с турками 17 июля в Очаковском лимане был смертельно ранен и на третий день умер.

Этот доблестный и храбрый атаман, оплаканный предками Кубанских казаков, похоронен в Кинбургской Александровской церкви с подобающей воинской честью, в присутствии генерала Суворова.

3. А. ЧЕПЕГА

Один из первых предводителей предков Кубанских казаков, сражавшихся против врагов отечества, был кошевой атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Захарий Алексеевич. Этот герой происходил из дворян Черноморской губернии, из фамилии Кухлишей; Чепегаю же он стал называться в войске Запорожских казаков, откуда он поступил на службу в молодые летах и где во время падения Запорожской Сечи, занимал видную должность полковника Протошанской Паланки.

Во время формирования князем Потемкиным-Таврическим войска верных казаков из бывших Запорожцев Захарий Чепега, имея армейский чин капитана, первый

предложил услуги князю в наборе Запорожских казаков, желавших поступить охотой на службу.

Из набранной Чепегаю и другими Запорожскими старшинами в 1787 г. казачьей волонтерской команды, в следующем году сформировалось целое войско, названное Черноморским под предводительством кошевого атамана Сидора Белого. Этот кошевой, участвуя с черноморцами в войне против турок, в том же году был убит в морском сражении под Очаковым. На его место был избран черноморцами кошевым атаманом Захарий Чепега.

Предводительствуя предками Кубанских казаков — черноморцами, Чепега свершил немало геройских подвигов, не раз удостоивавшихся похвалы главнокомандующего, смело водил своих удалих черноморцев против неприятелей.

Так, в турецкую кампанию в 1787—1791 годах, Чепега 18-го июня 1789 года по приказу генерала Голенищева-Кутузова произвел рекогносцировку турецкой крепости Бендеры, при чем с одной тысячей черноморских казаков бился с турками на берегу Днестра пять часов, не уступая врагу, в три раза большому его отряду. Этот жестокий бой Чепега выдержал до прихода на помощь донских и екатеринославских казаков, которые, соединившись, с черноморцами, разбили турок на голову. В этом сражении атаман Чепега был сильно ранен пулей на вылет в правое плечо.

По выздоровлении, атаман Чепега вновь вступил в исполнение своей должности, при чем особенно отличился 11-го декабря 1790 г. при взятии крепости Измаила, где он, будучи в чине бригадира, командовал второй штурмовой колонной генерала Арсеньева и, высадившись с своим отрядом с судов флотилии на берег Дуная, брал турецкие батареи и, следуя к самой крепости, бил неприятеля без пощады, чем способствовал другим колоннам со стороны Дуная овладеть неприятельской твердыней.

Наконец, перейдя с казаками Черноморского войска 4-го июня 1791 г. Дунай, Чепега присоединился к корпусу генерала Кутузова и, следуя в авангарде войск, разбил турок под Бабодогом.

На другой день, по приказанию Кутузова, Чепега со своими казаками и другими войсками, бывшими в его владении, овладел городом Бабодогом, разорил его, сопротивлявшихся турок перебил, окрестные селения выжег и в довершение полной победы над неприятелем представил Кутузову около 30,000 четвертей хлеба, бывшего в Бабодогских запасах, 8 медных пушек и весь турецкий лагерь. Следует при этом заметить, что в Бабодого находилось до 15,000 турок и до 8,000 татар.

Наградой доблестному военачальнику черноморских казаков за его геройскую службу в продолжении сказанной войны были: чины полковника и бригадира и ордена: св. Георгия Победоносца 3 и 4 класса, св. Владимира 3 ст., и золотой Измаильский крест. Кроме этого, при пожаловании Черноморскому казачьему войску в 1792 г. войсковых клейнод, Императрица наградила Захария Алексеевича саблей, украшенную алмазами.

В 1792 г. Черноморское казачье войско было переселено с Днестра на реку Кубань, где этому войску грамотой Императрицы Екатерины II-й 30 июня была пожалована земля.

Кошевой атаман Чепега, передвинув черноморских казаков на Кубань, занял своим войском на Кубани против закубанских горских народов границу, и расселил

черноморцев куренными селениями на войсковой территории.

В это время восстали поляки и Императрица вызвала кошевого атамана Чепега с двумя конными полками казаков для покорения мятежников.

За военные отличия в эту кампанию Чепега был пожалован чином генерал-майора.

Последним подвигом на военном поприще атамана Чепеги был штурм варшавского предместья Праги, где он еще раз вел казачьи полки к победе над врагом, и стяжал себе честь, а войску — черноморским казакам — славу. За военное отличие, оказанное при штурме Праги, генерал Чепега был награжден орденом св. Владимира 2 ст. большого креста и получил золотой польский крест.

Прибывши обратно с казачьими полками в Черноморию, Чепега занялся внутренним устройством своего войска и в 1797 г., на 71-м году своей жизни, от болезни умер в гор. Екатеринодаре и похоронен возле соборной церкви в Екатеринодарской крепости.

К кубанцам

Угрюмые степи Кубани,
Невесело воды шумят.
В жестоком, немом истязаньи
В последнем безмерном страданьи
Степные курганы стоят.

На них уж теперь не възжает
Казак-атаман на коне
К своим молодцам не взывает
Стрелой с него не слетает,
Скрываясь в сереющей мгле.

Рождение станицы

(Очерк)

Высоко, под самым куполом майского небосвода чернела точка. На небе ни единой облачка. Восходящее грибовидное солнце щедро рассыпало пурпур утреннего света по взъерошенной щетине вековых лесов, покрывающих бескрайнее пространство предгорья Кавказского хребта; по гребням горных вершин, с востока на запад, вспыхивая золотистым пламенем солнечного света, побежала беззвучная симфония света, тепла, теней, переливов спектра... Разбуженная началом дня глушь гор и ущелий заиграла во весь голос свою обычную непередаваемо-прекрасную песнь свободы и радости. Но вот лесная симфония птичьего щебета, звериного говора и земных шумов, внезапно, как по знаку невидимого дирижера, вдруг умолкла, оборвав жизнь своей песни торжествующей свободы печальным аккордом тишины. Черная точка, висевшая под голубым куполом небосвода, стала расти, и через мгновение в ней можно было угадать горного кавказского орла. Расправив свои мощные крылья, он стал плавно скользить по-над предгорьем, направляя свой полет в сторону, куда несли свои хрустально-прозрачные воды горные ручьи и речушки, туда, куда, как бы замедляя свой бег и погружаясь в землю, сплывали цепи гор, превращаясь из грозных утесов и скал в безобидные горки и холмики; туда, куда стремились ущелья, чтобы выйти из цепких каменных объятий гор на простор степей и плодородья; орел направлял свой полет на север. Пролетев к самому краю девственного леса, он издал гор-

стоят они, брови нахмурив,
Потупя свой пламенный взгляд.
На запад, где проблески бури
Видны из за черной лазури,
С мольбой и надеждой глядят.

Слова той молитвы печальны,
Которую шепчут они,
То тихий, прискорбный, то дальний,
В них слышится звон погребальный
Про родины черные дни.

Они говорят: «Позабыли
Вы славу казачью свою.
Ту славу, что предки носили,
Что пикой и пашкой добыли
В горячем и честном бою.

Как скоро так вами забыты
Край, Родина, дом казака,
Вы слышите — здесь паразиты
Бьют ваших детей беззащитных,
Здесь стонет родная река.

Вода в ней давно помутнела,
Не плещет о берег волна,
От горя людей помрачнела,
От крови и слез помутнела,
Течет она грусти полна.

О, братья, здесь ждут вас народы,
Спешите на помощь скорей,
Им славы добудьте, заветной свободы,
Которую ждут они долгие годы...
Спасите невинных детей».

Г. Злой

танно-трубный тревожный звук, и, сделав последний прощальный круг, повернул на юг и через мгновение растаял в голубом свете эфира.

Взвизгиванье пилы, стук топора, трель разноголосых колокольчиков, скрип колес, человечьи охрипшие голоса все явственней становились слышимыми, врубываясь и вламываясь в лесную глушь, вспугивая и прогоняя хозяев леса и гор — птиц и зверей, отгесняя их вглубь, на юг.

Трудно было с высоты орлиного полета понять, что за чудовище вторгается в лесную глушь. А это двигались со своим обозом переселенцы-казаки. Растянувшись на несколько верст, обоз, грохоча по ухабинам, сучьям, пням и корням, звеня и поскрипывая по камням и песку, — медленно-медленно, останавливаясь чуть-ли не на каждом шагу, въезжал в полосу Кавказского предгорья, в полосу, которую теперь называют Закубанью.

★

Переселялось из Черноморья почти одновременно более двадцати партий казачьих обозов. В нашем обозе, въезжавшем в лес, было 123 семьи. Каждая семья помещалась в огромной арбе на высоких с широким ободом колесах; сверху каждая арба была покрыта крышей из войлока; сбоку висела неизменная «мазница» с дегтем и «квачом». Каждая такая хата на колесах тянулась пятью-шестью парами рослых великанов-волов. Сбоку их шли погоньчи,

одетые в домотканную полотнянную одежду, в соломенные брили и постолы.

Внутри каждой арбы помещался скарб хозяина. И чего тут только не было! Каменные, в четверть тонны весом, катки, чувалы с зерном, домашняя утварь — чугушки, макитры, кадушки, рогачи и т. п.; большие почерневшие от времени иконы, клетки с курами и голосистыми «півнями», хрюкающие свиньи с визжащими поросятами, гогочущие гуси и чумазая орущая детвора; молчаливые угрюмые старики и звонкоголосая жизнерадостная молодежь. Везлось все, что требовалось и «може и пригодиться в хозяйстві».

К полудню обоз стал въезжать на большую поляну, живописно раскинувшуюся по-над обросшей вербами и ольхой речкой. Все арбы были поставлены в круг. Готовились на ночь. Сразу же задымилось множество костров; проворные казаки варили на вечерю неизменные в пути галушки. Мужчины и подростки распрягали волов, пуская их внутрь круга на попас. Когда последняя арба обоза замкнула круг, куда были загнаны отары овец и скот, двигавшийся в хвосте обоза, солнце стало опускаться за вершины голубевшей вдаль на западе цепи гор. Настал час «вечери». По кружкам, усевшихся около ужина семей, пронесся слух: «Тут будет наша станица, дальше не поедем».

★

Уже давно полноликая золотистая луна поднялась над притихшим огромным лагерем переселенцев; уже не горело множество костров; умолкли задорные песни дивчат и парубков; крепким сном спала детвора и старики, погоньчи и пастухи; храпела сегодняшняя смена, кто весь день с топором и пилой прочищал путь обозу. Бодрствовали часовые, охранявшие покой переселенцев; не спала кучка казаков, собравшихся у арбы начальника обоза; не спали пары влюбленных юношей и девушек, а может быть и еще кто неспал, а молча, глядел в пылающее и сверкающее дрожащим биссером золотых звезд небо.

Попыхивая трубками и цыгарками из крепкого домосада, казаки, полулежавшие кружком у вздрагивающего умирающим пламенем костра, молча, насупив брови, слушали речь своего начальника, в голосе которого была уверенность и подбадривающая ласка.

«... А землю пахать начнем завтра же. Хватит ее на всех — кому сколько угодно. Завтра же я укажу линии будущих улиц, места, где начнем строить свои хаты по данному нам образцу; завтра же будет молебен в честь благополучного нашего прибытия и закладка и освящение места, где будем строить храм Божий. А теперь, казаки, пора на отдых. Делов нам по самое никуда» — и поднявшись на ноги, сотник сладко потянулся до хруста в суставах.

Через некоторое время кружок разошелся по «хатам».

Не спалось молодоженам Олейниковым, обвенчанным уже в пути движения обоза; около месяца катился их медовый месяц на деревянных колесах хаты-арбы...

«... А коло нашей хатки я насажу півників і отіх білих цвітоків — горлиціву, — багато, багато..., — любовно шептала Катерина, прижимаясь к могучему стволу Андреевого туловища.

— Э-э-э! Тобі півники все на умі, дурненька! Тепер треба буде думати і дбати не тільки про півники, — це тобі не на Чорноморі, не в нашій Ольгійці, — де мамка та татко всього наготовлять, — тепер треба буде нам самім братись за все, — хозяйским тоном старшего ответил Андрей своей экзотически настроенной пылкой подруге жизни.

— Ну і не буду — хай вони посохнуть ті півники, — обиженно ответила отвернувшись Катерина, сверкнув рассерженным взглядом карих очей из-под черных насупленных бровей.

— Не сердься, моя любя! — уже ласковым примирительным тоном проговорил Андрей, притягивая к себе слабо сопротивляющуюся Катерину, — насадим усього: і півників, і капусту, і отіх білих огір... чи то пак цвіточків — всього, тільки не сердься! Сьогодні ж у нас свято: перша ніч на нашій новій родині...

Соловьиная бурная трель, в которой можно было уловить и шум горного водопада, и плач оленихи-самки, загнанной волками в тупик скалистого ущелья, и гомон лесных птиц, и шопот влюбленных — заглушила звук звонкого поцелуя двух любящих друг друга крепко и нежно потомков Запорожской Сичи.

И только, когда Венера повисла в глубине широкого небосвода зеленовато-золотистой слезой и длинные косы тени от столетних дубов потянулись в бесконечную длину к западу, можно было сказать: лагерь на отдыхе.

★

Прошло полгода. На месте, где остановился в конце мая 1867 года обоз переселенцев, стояли ряды новых рубленых домиков. Вокруг них был вырыт глубокий ров с земляным валом внутри, на котором стоял высокий с толстых дубовых бревен частокол; по углам стояли вышки, оттуда вели наблюдение за безопасностью станицы вартовые казаки; в центре, на возвышенности красовалась небольшая русская церковь; огромный многовековой дуб простирал над ней свои могучие ветви, как бы защищая ее от будущих бурь и невзгод.

Трудный был первый год на новом житьевстве для поселенцев. Приехавшие сюда казаки числились на военной службе и, получая от казны продуктовое и денежное довольствие, выполняли обязанности сторожевого гарнизона, призванного закрепить здесь власть русского царя, и охранять русские владения от внезапных набегов турок и мстительных горцев. В свободное от службы время они трудились в своем хозяйстве. А оно, как и всякое новое дело, по-началу не ладилось. Многого не хватало. За солью, керосином и прочими необходимейшими товарами приходилось ездить за 30 км. в Екатеринодар. На поездку затрачивалось до двух недель времени; не было дорог, мостов; ездили под усиленным конвоем охраны от налетчиков-черкесов, частенько в те времена промышленявших разбоем. На единственной переправе через Кубань, у парема, скоплялись огромные очереди едущих в город. Приходилось по два-три дня ожидать своей очереди, пока переправиться на тот берег.

Поздний посев этого года не дал почти никакого дохода; посеянные за линией частокола кукуруза и картофель были полностью сожраны огромными стадами бродящих в лесу диких свиней. Единственной доходной статьей этого года была охота. Недостатка в дичи не было: свиньи, козы, олени, медведи, волки, лиса, куница — всего этого зверья было в избытке. На проданное в городе мясо и пушину казаки запасали себе на зиму необходимые продукты и товары. Но самым страшным бичем для поселенцев были болезни людей и скота. Вымирали целые семьи от тропической малярии; добрая половина населения ходила, «как с креста снятые», замученные болотной лихорадкой; медицинской помощи не было вначале никакой. Скот, после черноморских плавневых трав, неожиданно на роскошных горных пастбищах стал чахнуть. За первые два месяца треть крупного скота пала; потом падеж сразу сам-по-себе прекратился.

Подошла закубанская дождливая осень. Горная речушка — Убин-су, ночью внезапно вырвалась из берегов и

унесла половину заготовленного с таким трудом сена; пришлось заново, не досыпая ночей, сбивать старник, чтобы не дать сдохнуть с голоду оставшемуся скоту. Всякое внешнее сношение станицы с соседями и городом с наступлением дождей и непролазной грязи — прекратилось.

Наближалась незнакомая горная закубанская зима.

★

А внутренняя жизнь станицы текла своим чередом. Все управление было сосредоточено в руках военного начальника: суд, снабжение, связь, охрана, торговля — все делалось по его указанию. Правда, было много и т. наз. неписанных законов, которые лежали в основе казачьей морали, на немного видоизмененной, перешедшей к ним вместе с христианскими обрядами, обычаями и казачьей дикостью от предков на Запорожской Сечи. Так, например, за половое распутство, обиду, непочитание старших, трусость и т. п. провинившегося привязывали на день-два к черному столбу позора, стоящему в центре станицы. Каждый проходящий мимо наказанного мог и обязан был плюнуть ему в лицо, или бросить комок грязи в него. Ворешку, обычно, украшали краденым, — была ли это шкура с убитого медведя, — ею обвязывали нестойкого перед чужой собственностью, были ли это нечаянно забытые кем-нибудь тряпки, поднятые услужливо-длинной рукой ворешки, — неизменно всякий раз пойманного водили с поличным по всей станице, сопровождая это веселое шествие грохотом и звоном в ведра, кастрюли и медные тазы. Не наказывалось только одно воровство — это когда чернобровая казачка-дивчина неожиданно исчезала из дома охающей и разводящей недоуменно руками мамыши, приговаривающей: «Ой лишечко, ой Боже ж мій, це Грицько вкрав, це він чортяка... От прогавила! От роздява!...» Обычай воровать невесту долго коренился среди казаков-закубанцев.

★

Следующий год вознаградил казаков-поселенцев за все неудачи и трудности предыдущего года. Посеянные во время жита и пшеница на новой земле дали обильные урожаи: 200-300 пудов с десятины земли, еле поцарапанной деревянным «ралом» — вот награда за тяжелый ка-

зачий труд. Тыквы (кабаки) в рост доброго колеса приходилось котом переправлять в сарай, где уже лежали горы белолобых арбузов, золотистых медовок-дынь и качанок. А вокруг, в лесах, на брошенных черкесских садах ломились ветви от «скороздрых» груш и черкесских яблок — разновидности сорта «Сенап».

Для казаков наступили светлые сытые дни, полные довольства и уверенности в будущей радостной жизни.

★

Прошло полвека. В 1913 году станица праздновала свое пятидесятилетие. На праздник были приглашены гости из соседних станиц ровесниц: Ильской, Георгие-Афипской, Смоленской, Азовской, Ново-Дмитриевской, Холмской, Эриванской, Абинской и ряда других; были гости из отдела и округа. Гостям были показаны достопримечательности станицы, созданные трудом казаков: три больших кирпичных здания школ, железный мост через укромную обвалованием (впоследствии запущенном) реку Убин-су; крупный маслозавод Дицмана, паровая вальцевая мельница Галацана, ряд крупных магазинов, в которых не в пример теперешним советским Сельпо, ломились полки от дешевого разнообразного товару; в новой большой богато украшенной церкви был отправлен торжественный молебен в честь пятидесятилетнего благополучия станицы. Побывали и на вокзале недавно законченной железной дороги Ростов — Новороссийск.

После обеда гостям был показан местными казаками-джигитами головокружительный феерверк лихости и умения езды верхом, виртуозности рубки, скачек, пения песен и танцев.

Побывали гости и в сырых, утопающих в зелени садов казачьих хатах, откуда довольные и веселые разъехались по шатающейся земле домой.

Так родилась станица Северская, названная в честь первых ее переселенцев-казаков из Северского полка; таков краткий рассказ о рождении ее соседней станиц-ровесниц, составляющих так называемое Закубанье.

Вл. Коровченко

Вл. К.

Отец и сын

— Минаков Георгий?

— Я, господин капитан! — Из шеренги выступает крепкий, хорошо сложенный кубанский казак. Лицо его чисто выбрито, на нем ни единой морщины. Казаку 42 года, а можно дать не больше 30 лет.

— Минаков Иван?

— Я, щелкнув каблуками, вытягиваясь по команде «смирно», энергично отвечает девятнадцатилетний юноша. Он похож на первого.

— Эти казаки — отец и сын, — улыбаясь, говорит капитан, — дисциплинированные по службе и отважные в боях кубанцы.

В Красной армии они были оба. Отец был артиллеристом, а сын учился в военном училище. Они ждали только удобного момента, чтобы повернуть оружие против большевиков. Мечта их осуществилась. Они перешли на

сторону Германской армии и увели с собой несколько своих товарищей.

Сейчас они оба в одном взводе и в одном отделении. Там где отец, там и сын. В карауле, разведке или в бою с врагом они всегда рядом, плечо к плечу.

— Я теперь воевать пошел добровольно, — говорит отец, — я люблю Родину и буду бороться против большевиков до полного их разгрома.

— А я буду вместе с отцом освобождать народ от жиновского царства, — говорит Ваня.

Л. Л.

ОТ РЕДАКЦИИ

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает.

Т а с я

Повесть
(Продолжение*)

III. Немцы пришли.

Через день и у нас в селе появились немцы. Какая-то часть вошла в село и спокойно двигалась по вымершим улицам. Солдаты не удивлялись пустоте: на двухтысячекилометровом походе они привыкли встречаться с перепуганным населением. Денщики отправились искать квартиры получше, с деревянным полом и чистыми кроватями, для офицеров. Солдаты устраивались по двое, по трое, заговаривали с упрямно молчавшими и ждавшими гибели хозяевами, шутили с детьми, легко завоевывали их доверие леденцами и кусочками сахара. Штаб расположился в школе, окруженной садом с домом директора и надворными постройками. Солдаты деловито принялись вытаскивать парты, аккуратно составляя их в сарае. Около сада дымила железной трубой походная кухня. Высокий, сероглазый повар с густыми бровями хозяйничал под навесом, распаковывая ящики с продовольствием. Он посмотрел на грязный стол, принесенный из школы, и вышел на улицу поискать помощника.

Любопытство сильнее страха. Тася не могла усидеть дома и, строго наказав Лидке не выходить из хаты, пошла задами, минуя большие улицы, в центр села. Со двора она прошла в лавку, наискосок от школы, и, приоткрыв дверь, смотрела, как хлопотливо и спокойно двигались по саду и по улице люди в непривычной зеленоватой форме. Большая русская грузовая машина выехала из-за угла и остановилась. Шофер оглянулся кругом и увидел Тасю.

— Эй, тетя! — крикнул он по-русски, — где у вас тут школа?

Тася, не найдя своего голоса, показала рукой.

— Спасибо, — сказал шофер. — А ты что, немай?

— Да вы разве по нашему говорите?

— Так я-ж самарский, — отвечал он, весело подмигнул Тасе и тронул машину.

Тася осталась на крыльце. Высокий солдат, без мундира, в сером свитере, с желтым платком на шее, вышел из ворот школы и остановился, озираясь. Кроме Таси, никого на улице не было.

— Работа, мадам, работа! — картаво сказал он, подходя к ней.

Она испуганно глядела на его явно не-русское лицо с густыми бровями. Он тронул ее за плечо и махнул рукой по направлению к школе.

— Никс понимай? Бистро, бистро, мадам, работа!

Тася вдруг оторвалась от крыльца и пошла в сад, чувствуя, что ноги у нее не свои и что много глаз следит за ней через щели закрытых ставень. Она вымыла стол, пару табуреток, помогла повару развесить на крючья под черепичным навесом части разделанной туши мяса. Повар был неразговорчив, курил и только показывал ей, что надо сделать.

— Ну, что еще работат? — спросила Тася, соскакивая на землю и обтирая руки о большой фартук, в который нарядил ее повар.

— Никс работа, — отвечал тот, не вынимая из рта мундштука — панай, домой. Ютро видер комен, работа.

Тася начала развязывать тесемки фартука. Под навес вошел невысокий, смуглый человек с сильной проседью в черных волосах, с серебряными галунами на воротнике и погонах. Увидев Тасю, он обменялся несколькими сло-

вами с поваром и помапил ее за собой в дом директора. Она послушно пошла. Унтер-офицер (по серебру на форме и в висках она сочла его по меньшей мере за полковника) показал ей комнату, где он устраивал склад продовольствия, и рядом — свою маленькую комнатку. Помещение было очень запущено. Тася растопила плиту, наносила и нагрела в больших, не нашей формы кастрюлях воды и энергично принялась за уборку. Через час она уже знала, что унтер-офицера зовут Вилли, он звал ее Тасси, успел показать ей фотографии жены, детей и своего дома в одном из маленьких рейнских городков. Дом был весь в цветах, небольшой, с высокой крышей и открытой террасой. Сзади видны были магкие горы. Нарядная, улыбающаяся женщина стояла на террасе. Тася не поверила красивой картине.

— Кино? — спросила она.

— Ах, никс кино, — отвечал Вилли и, хлопая себя по груди, объяснил, что это его дом.

— Так ты — капиталист?

Она инстинктивно подбирала иностранные слова, он отвечал ей на том удивительном жаргоне из немецких, польских, украинских и русских слов, на котором с такой легкостью объясняются солдаты германской армии с русским населением. Он растолковал ей, и она поняла, что он мастер на большом металлургическом заводе. Тася вспомнила свою двухкомнатную квартирку в Баку, которой она так гордилась. Все это было странно.

С непонятным ей самой увлечением она быстро и отчетливо работала, и скоро обе комнаты совершенно преобразились. Она вынесла последний таз с грязной водой и удовлетворенно огляделась.

— Вот как, — сказала она. — Ваши в два дня того бы не наработали, что я в два часа, немецкая твоя душа! А плита дымит, надо вам завтра печника прислать, — хозяйски добавила она.

Вилли велел ей приходить завтра и спросил, есть-ли у нее муж. Она, сощурив глаза, нацелилась в него из воображаемой винтовки.

— А, солдат, — понял Вилли. — А кавалер?

Тася по привычке засмеялась и отрицательно покачала головой. Но тут же подумала, что отреклась от Вано. Ее оживление вдруг погасло, она почувствовала, что устала, ей захотелось домой. На прощанье Вилли крепко пожал ей руку.

— Муж — фронт-солдат, кавалер — никс, — сказал он шутя: — тогда я кавалер?

— Никс, никс, — пустила она в ход новое слово.

На улице ее ждала вся заревавшая Лидка.

— Чего ты здесь? — с удивлением спросила Тася и хотела разсердиться, но дочь с такой страстной нежностью бросилась ей на шею, что у нее сердце дрогнуло.

— Что они с тобой делали, мама? Я уж думала, ты больше никогда не выйдешь. Я бы их тогда сама всех ноубивала.

В этот вечер, совсем уже поздно, у меня был неожиданный гость. Я ходила по нашему большому, пустому двору — о какой бедности говорил и этот двор, и тянувшийся за ним огород, где росли только горох да тыквы! — и думала, думала, пытаюсь осмыслить то, что происходило. Вдруг в глубине двора передо мной вырос Цхария.

— Что это вы с черного хода? — удивилась я.

* См. № 20 и 21 «Гла Казачьему Посту».

— Я шел туда, — неопределенно показал он, — да вас увидал. Думаю — надо сделать визит.

Час был неподходящий, да и вид у моего визитера был странный. Я знала, зачем он пришел, но наша взаимная антипатия зашла уже так далеко, что я не хотела ему помочь и спокойно завела настоящий визитный разговор о погоде и прекрасной луне, тихо склонявшейся к горизонту. Он рассеянно отвечал что-то и, наконец, ринулся головой вперед.

— Я думал, у вас Тася, — сказал он, с усиленным произношением ее имя.

— Нет, она, наверное, давно спит, — безжалостно ответила я.

— Наверно не спит, — возразил Цхария, — кто спит теперь?

Я промучила его еще минут пять и пошла к Тасе. Она сидела на разломанном крыльце своего дома, лицо ее в лунном свете было сурово и немолодо. Увидев меня, она вздохнула.

— Пришел?

— Да.

Она не шевельнулась. Я постояла около нее.

— Тася, хотите, я его прогоню?

— Что вы, что вы! — шепнула она. — Я сейчас. Даша спит?

— Нет.

— Ах ты, Господи, как это все... Ну, ладно, идем.

Даша стояла на своем коридоре и разговаривала с Цхарией. Мы присоединились. Получилось в самом деле что-то вроде салонного разговора. Тася уселась на пол, вытянув ноги на двор — коридор был едва приподнят над ним, — и снова, в в который раз за вечер, рассказала о своем знакомстве с немцами.

— Он хороший, Вилли этот, — явно дразня Цхарию, говорила она, — вот мне пачку сигарет дал за работу.

Она угостила меня и Цхарию. Тот взял сигаретку какими-то негнушимися пальцами и закурил, потому что Тася смотрела на него. Через минуточку сломанная папироса полетела через ограду. Все это было ужасно утомительно. Я не выдержала.

— Ну, друзья, давайте расходиться. Двенадцатый час.

Мы распрощались. Цхария был принужден сказать не желавшей ничего понимать Тасе:

— Проводи меня кусочек, погода хорошая.

Они пошли через огород и скрылись в месячном сиянии.

— Пропала баба, — промолвила Фадеевна, глядя им вслед.

Все убыстря шаг, точно спеша куда-то, шли Тася и Цхария к оврагу, уже не раз служившему им приютом. Она спрыгнула с невысокого обрыва и повернулась к нему.

— Ну, — сказала она, тяжело дыша и с вызовом глядя в его хищно оскаленное лицо.

Он еще колебался, не решаясь дать волю просившемуся наружу зверю. Она засмеялась.

— Ишак карабахский! — сказала она с презрением.

Тонкая пленка, сдерживавшая безумие, прорвалась. Он ударил ее раз, другой, и град страшных побоев обрушился ей на плечи, на спину. Она загоразивала руками лицо, но он оторвал, ломая, ее руки и глядел ей в глаза сумасшедшим взглядом, ловя мгновение, когда сломится, наконец, эта упрямая гордость. Долго она не выдержала. Тяжелое рыданье вырвалось у нее, ноги подкосились, и она медленно осела на землю, всхлипывая и вскрикивая под расчетливо-жестокими ударами, не трогавшими ни лица, ни обнаженных выше локтя рук — в своем иступлении он помнил, что сняжков на ней не должно быть видно. Когда он увидал ее, наконец, у своих ног, слабую, плачущую, безумие иного рода охватило его. Он овладел ею с тем же не-

истовством, так же глядя ей в лицо, пока не появилась на нем бледная, бредовая улыбка несдержанного наслаждения. Тогда он уронил голову ей на плечо, глуша рыданья.

Потом она сидела на траве, сохранившейся еще в тенистом овраге, а Цхария лежал у нее на коленях, крепко охватив руками ее талию. С бесконечной нежностью перебирала и гладила она его черные, вьющиеся волосы, слушая, что он говорил. Хриплым, усталым голосом он давал ей задания, перестраивая ее работу на чисто шпионский лад. Теперь, когда судьба сразу же ввела ее, первой в селе, к немцам, Цхария, преодолев порыв ревности, решил использовать это, как счастливый случай. Многие возможности мерещились ему, о которых он пока не говорил ей. Первой заботой было — крепко удерживать ее в руках и научиться осторожно играть нужную ему роль. И он говорил ей, как она может собрать сведения о численности части, о ее назначении, не задавая лишних вопросов, не снимая маски доверчивой и легкомысленной женщины. Одного только он боялся: увлечения Таси каким-нибудь немцем. Но он знал, что будет бороться за нее до конца, не считаясь ни с чем.

И она знала это, знала, что воля ее сломана, что дороги назад ей нет, что она принадлежит ему. Было ли чувство, связывавшее ее с Цхарией, любовью, могло ли оно принести ей счастье, было ли вообще что-нибудь впереди — она не спрашивала. Гибелью, смертью веяло кругом, и она бессознательно принимала гибель и смерть, лаская и целуя красивую голову с бледным лицом и мраморными глазами, лежавшую у нее в руках.

IV. Батюшка.

19 августа, в день Преображения, я собралась в церковь с близнецами Фадеевны и с Лидкой. Когда-то в селе была большая, эффектная каменная церковь в московско-купеческом стиле, с куполами и колоколами. Ее, разумеется, давно взорвали, и только безобразная куча кирпичей украшала самое центральное место села. Однако, верующим разрешили перестроить и приспособить под храм большую хату на боковой улице. Один лишь маленький кривой крестик над дверью отличал ее снаружи от других хат, да во двор выдавалась закругленная алтарная часть с таким же крестиком из двух дощечек на мазаной камышевой крыше. На десятки километров кругом другой церкви не было.

Внутри было и впрямь похоже на церковь: царские врата, два образа, отгораживающие клиросы; посреди церкви — убранный цветами аналой с образом праздника; справа — хорошего письма Распятие с Предстоящими, видимо, попавшее сюда из настоящего храма; горящие свечи, рисовая кутья с изюмом и белые хлебцы на покрытом пестрой скатертью столике перед Распятием; еще несколько икон тонкого, хотя и слишком нового письма; и бездна лубочных, на бумаге напечатанных ликов, в жалких фольговых окладах, в стружечных цветах. Но перед убогими образами теплились свечи, мерцали лампы; но довольно много женщин молилось, важно и сосредоточено глядя перед собой, крестясь и кланяясь; но хор звонких, здоровых женских голосов, привыкших к огромным степным просторам, пел, поддержанный двумя-тремя басами, и знакомые песнопения со слегка, видно, по местному обычаю измененными гармониями, привычно входили в душу; но перед открытыми царскими вратами стоял, в сиянии редких белых волос, древний батюшка и дрожащим голосом произносил древние возгласы; — и веяло в бедной церковке, уцелевшей на двадцать пятом году революции, дыханием Духа Святого.

Татьяна Левшина.

(Продолжение следует.)

В Пинских лесах

Окончание

На расстоянии одного километра от того места, где остановились казаки, приютились избы, кругом них скотские сараи, справа-полузанесенная досчатая уборная, ксина сена. Ожидали Железнякова, который не был на фирте. Если не считать Федотова, то все в сборе. У Поли Петрусь, а с ним Гальба-Бомба, которую случайно встретил и взяли с собой рядом в избе боевые друзья, а среди них Сошка-Белая Ручка, которая бежала в лес к Железняку, мужнину товарищу, не желая работать, опасаясь вербовки в Германию. Ежеминутно посматривали в окно, ожидая Начальника; выпивали. И по мере того, как опорожничались бутылки, оживленной становился разговор, ругань. Никто уже не смотрел в окно, никому не нужен был Железняков, головы не думали ломать. В комнате тепло. На плите парует борщ со свежими кусками жирной свинины в кастрюле, в печи потрескивают дрова, на скамейке умывается кот.

Поля проворчала:

— И-и, дьявол, кажется, и так гости не выводятся. Посмотрела она на Петрусь, перевела взгляд на Бомбу, оживленной заговорила:

— Вчера с вечера Федотов, а на заре — вы. Она ладью хлопнула кота. Улыбнулась. Вспомнила про писульку:

— Совсем забыла, не дождался Федотов вас...

— А что, он был здесь?

— Да я уже говорила. С вечера-он, а на заре...

— Определенно и точно...! — Петрусь развел руками, что означало, что он не желает слушать дальнейших пояснений. Поля знала его. Знала и то, что у него действительно разговор короток. Она даже к разговору его стала привыкать, понимая все слова, употребляемые им.

Петрусь нагнулся к Бомбе:

— Потянула?

— Есть что!

— На все сто кутнем сегодня, нихай, Федотов языком шибрешет. Если направится это старая мурло на бан, упадет в лапы собакам этим, чубатым казакам... Он обнял Гальку, нахально прислонился головою к ее груди. Она смотрела на молодого, еще совсем белокругого мальчика, вспоминала то время, которое никогда не вернется. Она повернулась в сторону Петрусь, их взгляд встретился:

— Чего не рубашь? нажрался? — Она погладила его жесткие нечесанные волосы, улыбаясь посмотрела на расширенные зрачки больших коричневых глаз. Он, словно подогретый, растаял. Ударяя себя в грудь, заговорил:

— Мы — строители бесклассового социализма, дети ленинизма, партии ВКП(б) — марксизма, воспитанники ленинского коммунистического союза молодежи. И мы построим. Так я говорю или нет? А, Бомба, скурвилась ты, ссучилась... Галька молчала. Молодой еще мальчишка, на которого смотрела Галька, из под койки достал четверть и подошел к Поле...

— Федька, едиот, хватит!! — Он подумал повиноваться, но Галька уже заметила, приказала:

— Ставь!!

Петрусь согласился:

— Шамать нужно на все сто... Мурка... — Он обращался к Поле, — сала давай, колбаски подрежь. Осмолились на этот раз... Мурка, — на этот раз он обращался к Бомбе, — определенно и точно. Не первый раз стопорить... Будут тебе часы золотые и браслет... На кирпичный нем-

ца прислали... Ну и там того... красивая немка... Да не одна, видно, с паханшей в женой приехал немец... — Он захихикал... Выпили.

Петрусь заслуживал особого внимания... Совсем еще молодой человек, не более двадцати пяти лет, он изъездил уже всю Россию. Бездомная жизнь, жизнь без отца, без матери, отсутствие сострадания и чувствительности, отсутствие всякой морали и личного мировоззрения на окружающее. И все же от рождения в нем были положительные качества... И они были вытравлены... Ничего от этих качеств, которыми не делала его природа, не осталось... Уже в этом возрасте он четыре раза сужден за уголовные преступления: убийство, кражу, насильствие... Никто не называл его по фамилии, да знал ли он свой род? Звали его по имени. В партийном билете указано место рождения, происхождение и прочие подробности, которые с ним никогда не случались, а в местах, указанных в автобиографии, он никогда не проживал... Так было нужно... Хотя все знали, кто такой Петька...

Федька подал борщ. Снова подали водку. Прекрасно! Кажется все, что еще надо, жратва, выпивка, бабы, придут красные, снова кожаное пальто, работа в органах НКВД, райотделах милиции. И снова жратва, бабы, выпивка. Куда же в кусты убежало мимолетное сосредоточенное внимание о правде. Он представил себе портфель, который привезет из Москвы.

После того как пограничные части были разбиты, он не бросил в топке болота лесов наган, не снял пятиконечной звезды, которая уже полиняла на гимнастерке, порвалась. После этого он нашел на шапке красную тряпочку, знак различия для лесных партизан. Многие спали, свалившись на койку, на скамейки, сидя на стульях. Федя и Фомка почти не принимали участия в разговоре. Говорил Петрусь, обращаясь к Поле, называя паханшей, то к Бомбе, называя Муркой. От выпитого на лице какая-то грусть. По их лицам можно прочесть «Что будет»!?, конец оден!

На столе лежала записка, которую еще утром подала Поля Петрусь и которую он не читал. Спокойно отодвигая ее в сторону, заранее зная, что в ней написано, потянулся к стакану. После выпитого, выкуренного, голова становилась огромной. Вначале о многом хотелось говорить, потом все это надоело. Спать... спать..., думал он.

— Железнякову ее отдашь — показывая на записку, говорит Петрусь. Слова были обращены к Поле. Снова потянулся к стакану. Он оказался порожним.

— Хватит... хватит! — вслух повторял он.

Бомба спала, сидя рядом с ним за столом.

Падая мелкий, словно из решета, снег. Казаки шли следом за санями. Впереди идут Бабин, бургомистр и Новиков, впереди отряда — Девкин.

— Холодно, господа? — обращаясь к казакам, спрашивает нараспев вахмистр. Послышались ответы:

— Так точно!

— Холодно!

— Никак нет! — Смешно стало. Басню какую-то Пономарев вспомнил. Идут казаки вперед, смеются. Уж больно смешной этот Иван Филиппович. Послышались слова команды. Казаки рассыпались по лесу, словно вынюхивая след, подобно тому, как делают это ученые собаки. Снова следы пропали. Стерли, одним словом. Не переставая,

шел снег, белой скатертью покрывая лошадей, сани, казаков.

Но, чу! кто-то из казаков вскрикнул, вскинули винтовки. Пономарев видал, как мелькнули острые черные уши и пушистый хвост. Красноватая лисица не так уж быстро удалялась от казаков. Вот пробежала она десятка два метров, остановилась, смотрит. Снова вздыхает Иван Филиппович:

— И так близко!

Лисица уходила в чащу леса. Вот, все еще видно, как она виляет пушистым хвостом из стороны в сторону. Она манила за собою казаков, улыбалась им, показывая белые зубы, высовывая кончик красного языка, вилая своим пушистым хвостом, опуская, то подымая острые уши. Вот она далеко между толстыми с желтизной коры деревьев мелькнула в последний раз и мгновенно пропала.

— И так близко! — повторяет Пономарев.

— Да чиво же ты пузом не упал на нее?

— Каторррый это смельчак, смотри, ешто упадеш. — Казак хихикнул и стих. За обиду Пономарев принял.

Идут вперед.

Лошади по снежному пушистому полю шли легко, весело и бодро, полозья временами пели и визжали по замерзшей корке старого снега, проваливаясь сквозь молодой падающий снег. Тянуло с севера, обдавало лицо, лед намерзал на усах, скрывало ресницы. Втягивали казаки головы между плеч, приподымали воротники.

Подошел Новиков к дуплу старого дерева, нагнулся, осмотрел. Прюстановился.

Закурил и думает...

— Пропал след. Казаки обошли его...

Влево показалась изба, другая... Следа нет...

— Давай, забегу, — соображает Новиков, — пока догонят подводы. Да это, пожалуй, и к лучшему, вот и Бабин левее берет, а за ним все остальные. Свернул влево и направился к избе. Подошел. Осмотрелся по сторонам, через окно слышен разговор. Снимая винтовку с плеча, Новиков соображал, что зайдет на одну минутку, спросит, кто его знает... Может, старик какой живет со старухой, не видали ли они, ничего не слышали от проезжих и прохожих. Еще какие-то мысли приходили на память. Рывком отворил дверь, уверенно прихлопнул, из чуланчика вошел спокойно в избу.

— «Вот и я, не видали меня?» — мелькнули в голове мысли, он улыбнулся. Улыбка эта радостно расплылась по лицу и остановилась.

Бомба в это время проснулась, Фомка с Федей собирались уходить, Петруся стоял спиной к Новикову. Никто не обратил особого внимания. Самоуверенное спокойствие. В глаза ударила своеобразная обстановка, разбросанные вещи и оружие. Женщина, сидящая за столом, первая сообразила в чем дело. Схватив наган с подоконника, выстрелила.

Метким ответным выстрелом Новиков заставил умолкнуть всем известную Бомбу; ударом приклада выбивает оконную раму. Один прыжок, и он уже во дворе. В избе подняли тревогу. Новиков занял выгодную позицию. Один против десяти, не считая другие избы, прицелился. Перезаряжая, снова стрелял. Вспомнил про гранату, отдернул ручку, вставил капсуль, в комнате раздался оглушительный взрыв. Осыпались стекла, беготня. Следом за Бомбой, от разрыва гранаты замертво свалилась Поля, Фомка, Федя. С двумя бандитами Петруся взобрался на чердак, остальные отстреливались из выбитых окон.

На выстрел прибежали казаки, оцепили избы. Во второй и третьей избе партизаны бросились к дверям, но поздно они спохватились, да и перепили крепко. С обеих

сторон жужжали пули, отрывисто и глухо отдавалось эхо в лесу, шелкали затворы. Казаки залегли за стенами сарайчиков, стояли за глухими стенами изб. Активный огонь партизаны вели с чердака, где укрылся Петрусь с частью партизан. Оставалось только одно:

— Поджечь избу! — выкрикнул бургомистр. Из избы послышались стоны, выстрелы стихали, казаки приготовились... Тишина... Казалось, люди отсутствовали в этой жестокой драме большого леса.

Огонь принял оживленный характер. Главным образом стреляли из двух других изб. Снова огонь стих... А через минуту Петруся стал стрелять из ППД, пробиваясь к дверям. Казаки сосредоточили огонь по этому участку. Воспользовавшись активностью огня, ведшегося командиром банды, из других изб бросились через окна в двери... В это время Петрусь перестал стрелять... Как после узнали — не было патронов для пистолета-автомата. Казаки ударили по бандитам, бегущим в рассыпную. Впереди всех бежала женщина. Это была Сонька, по прозвищу Белая Ручка.

— И... и-и... т-так близко! — выговорил Иван Филиппович, прицеливаясь в женщину. Раздалась выстрелы...

— Мы еще посмотрим чья возьмет... Это который... — не договорил Пономарев до конца своей мысли... Все ниже опускаясь на снег, придерживаясь руками за живот... Тихо повернулся на спину. Последний раз открыл глаза, взглянул на высокое мутное небо; слабый ветерок бросил мелкие снежинки на его лицо, он вздохнул, перекрестился... Никто к нему не подходил... Продолжали стрелять...

Белая Ручка и несколько мужчин скрылись за толстыми деревьями. Казаки открыли сплошной огонь, бросили гранату. Спешили покончить с партизанами, опасаясь быть застигнутыми в лесу... Убежавшие должны были сообщить другим бандам, рыскавшим по лесу, так думали казаки.

Из-за стены видел Иван Семенович как упал Пономарев; как ужаленный волк, схватился за шею бургомистр... Бросил винтовку, пополз за стену...

Рядом с Девкиным за стеной послышались шаги, спускались с чердака. Казаки замерли, ожидая дальнейшую команду. Это Петруся спускался, чтобы удобнее стрелять. Легко звякнул затвор. Отворив двери, предводитель банды широко раскрывая рот, выкрикивает:

— За роди-и-и... Стаааа...! — ломится в двери... Прицелились казаки... Пуля павылет пробивает грудную клетку... Слова стихли... Снова жужжали пули по чердаку, в окна, в двери...

— За мной!! — командовал Девкин... В комнате был уже Бабин. Входили казаки. Новиков направился прямо к столу...

Среди комнаты лежал Петр Злочевский. Он тяжело дышал... Все остальные были мертвые. Приподнялся Петрусь на локоть левой руки, выстрелил... В стену уткнулась пуля, глухо отдалось в воздухе... Пахло пороховым дымом. В него выстрелили... Снова послышались могильные слова. Это говорил все еще бандит...

— Что же вы стреляете... Я же ранен. — Бабин подошел к нему, плюнул ему в лицо, в упор пристрелил. Когда стихло, было слышно, как урядник окончил:

— Нет, не ранен, а убит ты, бандюга...

— С собакой по-собачьи! — Новиков перешагнул через труп еще теплого бандита, направляясь к печке, в которой еще теплились уголья. Испуганно пялил глаза напуганный старый кот. В избу входили казаки. Бабин приласкал кота, глядя его по головке. Кот принял ласковый вид, юлил хвостом, мурлыча на своем языке какую-то песенку.

— Возьмите его... Жалко животину бросать: одичает. Да и избу придется спалить, — говорит вахмистр. Так и сделали. Подождли крышу...

Новиков последним выходил из комнаты просторной избы. Вот он на минутку остановился и сосредоточился... Испуганный вид застыл на мертвом лице Поли, сдержанное хладнокровие сохраняла Галка-Бомба, словно собираясь прыгнуть... В такой позе ее настигла смерть, другие лежали по углам комнаты. У порога, вытянувшись во весь рост, лежал Петруся, сжимая в правой руке рукоятку нагана... Нагнувшись, Новиков с силой освободил оружие из руки бандита. На руке остались часы. Они показывали второй час пополудни. Подумал снять часы с руки, которые когда-то так легко достались бандиту, побрезгал... Радостная улыбка пробежала по его лицу...

— Давай, загляну... — шутит Новиков. Еще раз окинул взглядом, шагнул вперед, со стола взял лист испанской бумаги, потом пощелкал наганом, патроны все были уже выстрелены. Вышел...

Другие избы не жгли, убитых в них было меньше, раненых положили на подводы. Пономарева завернули в одеяло; подушками устлали дно саней.

Тронули в обратный путь. Бургомистр был тяжело ранен, его везли в одних санях с казаком Пономаревым. Чтобы сократить путь, поехали напрямик...

Снова лес... Высокие стройные сосны, красивые зеленые елочки, белые березки, черная грустная ольха с голыми ветвями. Кругом лес, вверху мутное небо, внизу снег. Казалось, ехали более часа. Впереди идут Бабин и Новиков, сзади Девкин, а за ним казаки, сани, а следом за ними опять казаки. Снова лес, только гуще пошел, деревья тоньше и выше, снегу меньше. Только вперед. Ближе к Линово, в казарму... В. Никонов

Разница в росте и в возрасте не мешает ни тесной их дружбе, ни совместной боевой работе в одной из казачьих частей.

Он еще пригодится

Это было в мае или в июне 1941 года в Омске, недалеко от тайги. Так вот, там в это время правоверный коммунист сдавал экзамен по политзнаниям и комиссия установила, что этот коммунист, по имени Андрей и по фамилии Прозоров, был политически совершенно безграмотен. Андрей Прозоров был коммунистом не простым, а правоверным, а потому он очень огорчился и тут же поклялся, что до того, пока он не освоит на 120 процентов всю политику, никто его больше не увидит.

В райкоме решили, что это шутка, но на другой день Андрей Прозоров исчез.

Шли дни, недели, месяца и годы. И вот однажды в здание райкома пришел какой-то бородатый, заросший грязью и оборванный человек с мешком за плечами. Он так настойчиво требовал немедленно увидеть секретаря, что несмотря на то, что в кабинете секретаря уже третий день шло заседание бюро, его все-таки ввели туда. Бородатый оборванец, пробившись сквозь густой туман табачного дыма, решительно подошел к секретарскому столу, снял с плеч мешок, вытащил из него целую охапку книг и, положив их на стол, решительно сказал:

— Принимайте экзамен.

— Какой экзамен? — удивился секретарь.

— Политэкзамен, к которому я готовился почти три года, живя отшельником в тайге.

Только тут кое-кто узнал в этом бродяге правоверного коммуниста Андрея Прозорова. Его появление было настолько неожиданным, что бюро единогласно постановило включить в повестку дня заседания коллективный прием экзамена от Андрея Прозорова.

— Прошу задавать вопросы! — объявил секретарь и сам

спросил первым — Скажите товарищ Прозоров во имя чего ведется эта война?

— Какая война? — спросил Прозоров.

— Известно какая. Вот эта с Германией.

— Германия ведет войну против капиталистических интересов Англии и Америки — без запинки ответил Прозоров.

— Что вы за глупости говорите?! — выпучив глаза и подскочив на стуле крикнул секретарь.

— Извиняюсь. Никаких глупостей, — тоном не допускающим возражений оборвал его Прозоров — вот пожалуйста «История ВКП(б)», страница 318. Все точно до последнего слова.

Все растерялись и только заведующий райфо, славившийся тем, что он говорил всегда не в попад, спросил:

— Так по вашему наши союзники Черчилль и Рузвельт!? — перебивая воскликнул Прозоров и рассмеявшись добавил — А понимаю, вы хотите меня на пушку взять? Не удастся. Черчилль, как говорится в Малой Советской Энциклопедии в томе 9, страница 782 «английский политик... со времени октябрьской революции выступает как заклятый враг СССР и мирового пролетариата, принимал активное участие в помощи белогвардейцам во время и после гражданской войны. Ныне постепенно переходит на откровенно фашистскую позицию», а Рузвельт вот вам пожалуйста МСЭ. том 7, страница 472: «Рузвельт был одним из первых ярко выраженных представителей империализма за участие США в мировой войне. Вся политика Рузвельта была выражением народившегося и крепнущего финансового капитала». Понятно! Не даром наш товарищ Сталин в своем гениальном

труде «Заметки на современные темы» с присущей ему мудрой прозорливостью говорил: «Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций... Но английская буржуазия не любит воевать собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками». Кто из вас осмелится сказать, что наш любимый товарищ Сталин не является великим пророком и предвидцем! Ну?!

Последнее заявление вызвало полное замешательство.

— Да, побойтесь вы Бога, — вздохнул секретарь, — что вы чушь говорите.

— Я то чуши не говорю, — с иронией ответил Прозоров, — а вот вы, товарищ секретарь, говорите чушь. Пора бы отучиться от этой антибольшевистской привычки Бога вспоминать, пора бы запомнить, что «религия опium для народа», как сказал однажды наш гениальный Карл Маркс.

— Да с ума вы сошли что ли, — стукнул по столу кулаком взбесившийся секретарь. Русская православная церковь во главе с московским патриархом Сергием является нашим верным другом и помощником!

Прозоров отпрянул от стола и обалдело обвел глазами всех собравшихся:

— Товарищи, — беспомощно развел он руками — и вправду я что ли с ума сошел или вы все с ума сошли? Ну, скажите вот вы мне товарищ?

Он оперся рукой на чье-то плечо и вдруг рывком оттянул руку:

Что это? Погоны!? Погоны, о которых в МСЭ в томе 6, на странице 626 говорится, что они «упразднены ок-

тябрьской революцией как символ классового гнета в армии». А это что у вас, орден? Какой это орден?

— Богдана Хмельницкого...

— Богдана Хмельницкого!? Это о котором в МСЭ в томе 1, на странице 576 напечатано, что он «применил свои способности в деле предательства украинской крестьянской революции» и «предав крестьянскую революцию, обратился за помощью к крепостнической Москве, т. е. он смотрел на Москву, как на орудие для осуществления своих политических планов захвата роли правителя самодержавца в новом казацком государстве»? Да кто же вы есть золотопогонная с...!?

— Кто я, — вскочил человек с погона и вытянул из кобуры пистолет, — я начальник НКВД, а вы арестованы за антисоветскую агитацию!..

После того как Прозоров был отправлен в особую тюрьму НКВД, бюро райкома ввиду необычного случая решило запросить ЦК ВКП(б) о том, что следует делать с Прозоровым: расстрелять или, учитывая его пролетарское происхождение и большой партийный стаж, сослать на 25 лет в Сибирь.

Через несколько дней на имя секретаря райкома была получена шифрованная телеграмма из ЦК:

«Не расстреливать. Не ссылать. Предложить снова уйти до особого вызова в тайгу для углубления своих политических знаний в том же направлении. Прозоров зачислен в кадры ЦК, как агитатор и как таковой будет использован на руководящей работе вскоре после окончания войны».

Как разыскать своих родных

В последние годы, вследствие военных действий на Востоке, многие потеряли связь со своими родными. По объявлениям о розысках в газетах, издаваемых в освобожденных областях, а также и при помощи газет для добровольцев, многим удалось эту связь восстановить. Но продолжает и теперь поступать множество просьб о розысках как от добровольцев, так и жителей освобожденных областей, а также и от проживающих в Германии рабочих, вносящих своим трудом свой вклад в дело борьбы с большевизмом.

Дабы пойти навстречу этому желанию восстановить и сблизить связи с близкими людьми, Военное Командование решило учредить несколько центральных розыскных бюро, которые, в пределах возможности и посколько позволит имеющийся в их распоряжении материал, должны удовлетворять эту насущную нужду.

Речь идет о четырех центральных бюро, разделенных по территориальному признаку, о чем говорится ниже. По нижеуказанным «Фельдпостномерам» (номерам полевой почты) и следует направлять все запросы, для чего следует пользоваться специально отпечатанной «Фельдпосткарте» (открыткой полевой почты), выдающейся по требованиям начальниками соответствующих немецких учреждений:

Бюро № 1: Zentralauskunftsstelle I — Feldpost № 57800.

По этому адресу следует направлять просьбы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР: Красноармейский Край с Автономной Адыгейской областью. Орджоникидзеградский край с Кизлярским районом, Автономной Карачаевской областью и Автономной Черкесской областью. Ростовская область. АССР: Дагестан. Кабардино-Балкария. Калмыкия. Крым. Северная Осетия. Чечено-Ингушетия.

УССР: Области: Запорожская, Николаевская, Одесская, Сталинская.

Автономная ССР Молдавия. Азейберджанская ССР с АССР Нахичевань и Автономная Северо-Осетинская область (ССР Грузия).

Бюро № 2: Zentralauskunftsstelle II — Feldpost № 11900.

По этому адресу направлять запросы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР. Области: Воронежская, Курская и Сталинградская с Астраханским районом.

Украинская ССР. Области: Винницкая, Волынь, Ворошиловградская, Днепропетровская, Житомирская, Каменец-Подольская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Ровенская, Сумская, Харьковская, Черниговская.

Бюро № 3: Zentralauskunftsstelle III — Feldpost № 19000.

РСФСР. Области: Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская.

Белорусская ССР. Области: Барановичская, Брестская, Вилейская, Витебская, Гомельская, Минская, Могилевская, Пинская, Полоцкая.

Бюро № 4: Zentralauskunftsstelle IV — Feldpost № 39609/Ru.

РСФСР. Область Калининская с районом Опочка. Ленинградская область с районами Книгиспенским и Псковским.

От Редакции: Доводя до сведения наших читателей — казаков и уроженцев казачьих краев, — о настоящем извещении Германского Верховного командования, редакция обращает внимание на необходимость при запросах перечислить имя, отчество, фамилию разыскиваемых лиц, дату и место их рождения — те же данные, с прибавлением своего «Фельдпостномера», сообщать при запросах и о себе.